

молодых пополнений нашей науки, фольклорист, историк театра — таков диапазон его исследовательских увлечений. Но прежде всего Павел Наумович — историк русской литературы от первых веков ее существования до Брюсова и Куприна, до литературы народов СССР включительно.

И все же среди этого обширного круга научных дисциплин, в каждую из которых Павел Наумович внес нечто свое, весомое, интересное и значительное, особое место занимает история русской литературы XVIII в., — наука, созданная как самостоятельная дисциплина на рубеже 1920—1930-х годов советскими учеными.

Павел Наумович — бесспорно наш лучший исследователь и знаток русской литературы XVIII в., является одним из создателей этой науки. Его научная биография неотделима от истории советской науки о литературе XVIII в., а его работами отмечены важнейшие вехи ее развития. Читая работы Павла Наумовича не в последовательности их появления, а в хронологии литературного движения XVIII столетия, мы как бы перелистываем страницы большой истории русской литературы XVIII в., создание которой кажется непосильным делом для одного человека. От Симеона Полоцкого и до Карамзина нет сколько-нибудь заметного или почему-либо интересного деятеля русской литературы XVIII в., о котором Павел Наумович не сказал бы своего, всегда точного, дельного и свежего слова. В русской литературе XVIII в., в творчестве ее великих деятелей и в скромной переводческой работе безвестных литераторов-профессионалов Павел Наумович видит выражение художественно-идеологической жизни нации. Каждый историко-литературный факт XVIII столетия, от сатир Кантемира до «Писем русского путешественника», воспринимается им как выражение живых, человеческих интересов, страстей и чувств людей XVIII в. Не книги, а люди, творцы этих книг, — поэты, прозаики, переводчики, составители, журналисты, — словом, все многочисленные подразделения многоликой армии литераторов и ученых, создававших русскую культуру XVIII в., являются постоянным предметом исследовательского интереса Павла Наумовича, оживают на страницах его работ. Об этом лучше всего сказал он сам: «Я глубоко убежден, что, когда мы говорим, что любим книгу, мы не осознаем того, что любим умного, доброго, человеческого автора, создавшего ее, любим его героев, увлекающих и волнующих нас своими прекрасными человеческими качествами... Любя книгу, мы любим явление культуры определенной эпохи, любим те сгустки человеческого ума, чувства, воли, которые проявились в содержании и форме книги».²

Это неразрывное соединение любви к литературе с преданностью научной истине и уважением к факту пронизывает все работы Павла Наумовича и кладет на них особый отпечаток его

² П. Н. Берков. О людях и книгах. Изд. «Книга», М., 1965, стр. 7—8.